

От них исходило тепло, и он ласково улыбнулся ей. Они спустились в его кабинет, лишь раз остановившись, чтобы снять баллы с рейвенкловца и гриффиндорца, бесстыдно обжимавшихся за одной из штор. Занавески? Неужели? Неужели они не понимают, что формы тела хорошо видны сквозь шторы?

Когда он сел за парту, чтобы составить план урока, Бримстоун уронила кость, которую всю дорогу несла во рту. Со странным чувством гордости она положила ее в кучу своих "трофеев" в задней части его кабинета.

Когда он опускал перо в чернильницу, Бримстоун положила голову на край его стола и пристально посмотрела на него.

Роберт "Рабби" Фэрбэрн.

Северус опустил перо и уставился на него.

Бримстоун уставилась на него в ответ, ее длинный хвост перекинулся через спину, а уши были внимательно прижаты вперед.

"Что ты сказала?" Северус осторожно спросил ее.

Он ждал.

Ничего.

Ты идиот, - укорил себя Северус, - и тебе определенно нужно больше спать.

Он поднял перо и снова начал писать.

Роберт "Рабби" Фэрбэрн.

Глаза Северуса расширились, и он уставился в знакомые оранжево-зеленые светящиеся глаза. Он взял кусок пергамента и записал на нем имя, затем, решив, что этого недостаточно, написал его еще раз, разорвал пергамент пополам и спрятал один из них в одну из своих любимых книг.

Почему это имя показалось ему таким знакомым?

"Ты случайно не знаешь, кто это может быть?" спросил он у нунду.

Бримстоун лишь подмигнула ему, с любопытством наклонив голову.

Северус ущипнул себя за переносицу. Теперь он разговаривал с нунду и ожидал четкого ответа. Неужели это делает его безумцем?

Северус встал и накинул дорожный плащ. Надо будет послать сову Люциусу. Может быть, это один из его старых знакомых, о котором он просто забыл вскользь.

Ты не забудешь ни лица, ни имени, Северус Снейп, и ты это знаешь.

Северус поспешил выйти за дверь, на ходу поспешно окклюдентируя свой разум. Когда-то он думал, что после смерти Темного Лорда ему не придется так сильно беспокоиться о подобных вещах, но, судя по всему, в месте, которое он называл домом, ему придется быть еще более осторожным.

"Идемте, - мягко сказал он, открывая дверь.

Бримстоун вскочила на ноги и рысью выскочила за дверь, задрав хвост, как флаг.

Он был тем более рад, что Бримстоун всегда рядом с ним. Паранойя подсказывала ему, что если бы ее не было рядом, то кто-нибудь мог бы случайно наткнуться на него по дороге в совятню. Та же паранойя подсказывала ему, что он снова окажется в своих покоях и не вспомнит, как туда попал.

Не слишком ли это параноидально даже для тебя, Северус? Он сам себя напутствовал.

Северус сузил глаза. Ты не параноик, если люди действительно хотят тебя заполучить. В голове у него мелькали ужасающие образы голого Рубеуса Хагрида, танцующего кан-кан, с волосатыми ногами, поднятыми высоко в воздух, и с дико подпрыгивающими при каждом ударе битами. С этими отвратительными мыслями он тут же направился в совятню. Если по пути туда кто-нибудь попытается прочесть его поверхностные мысли, он надеялся, что они задохнутся от мысленных образов.

Мерлин знает, он сам этого хотел.

Северус и Минерва отметили явное отсутствие враждебного поведения на своих уроках, когда рядом была Бримстоун. Нунду, которая только и делала, что грызла бедро своей последней жертвы, казалось, оказывала успокаивающее действие на враждующих в доме. Хотя никто из них не был настолько глуп, чтобы думать, что уроки излечились, они согласились, что приятно, когда не нужно каждый день останавливаться и снимать баллы за сто тысяч мелких нарушений. А теперь, когда Снейп был свободен от ига Темного Лорда, баллы за глупость снимались с каждого дома, в том числе и со Слизерина.

У него было подозрение, что Рональд Уизли не был уверен в том, что Бримстоун - настоящий Нунду. Большинство его разговоров на уроках, когда он думал, что Снейп не слушает, сводились к тому, чтобы рассказать Гарри Поттеру и его гриффиндорцам о том, как настоящий

Нунду убил бы всех. А Бримстоун якобы был всего лишь трансфигурированным домовым котом.

Однако Бримстоун, похоже, чувствовала, что Рон говорит о ней, поэтому каждый раз, когда она шла с ним по проходу, она била его по лицу хвостом и излучала запах горячей серы, смешанный с маринованной сельдью.

Рон становился ужасно зеленым и швырялся в свой котел, отчего тот, разумеется, взрывался. Обычно это выливалось ему в лицо, а заодно и его напарнику по лаборатории. После этого напарник очень, очень злился и пытался его убить, а остальные ученики наблюдали за происходящим, насмехались и выражали свое искреннее одобрение.

Северусу приходилось назначать задержания, если удары действительно попадали в цель, снимать баллы, когда перепалки становились чем-то большим, чем просто словесные оскорбления, а затем передавать Бримстоуну кусочки сушеного мяса дичи из-под парты. Занятия стали гораздо более забавными. Преподавание действительно начинало становиться терпимым. Благодаря Нунду, предполагаемому убийце тысяч людей, и Северус, и Минерва начали получать немного больше удовольствия от преподавания. Минерва никогда не была таким горьким учителем, каким был Северус, но даже она казалась гораздо более легкой на сердце. И это, по его признанию, было замечательно. Казалось, Минерва сбросила годы со своего очевидного возраста. Морщины вокруг глаз словно исчезли. Она стала чаще улыбаться, и это были не те натянутые, строгие улыбки, которые она обычно дарила.

"Мне все время кажется, что я кого-то забыла, Северус", - призналась Минерва за послеобеденным чаем в Темнолесье. За Бримстоун ухаживали не менее пятнадцати жеребят-кентавров, которые делали все, что угодно: украшали ее цветами и лианами и разрисовывали грязной боевой краской. Жеребята, которым с помощью Бримстоун удалось завалить своего первого взрослого оленя, стали гордостью стада кентавров. Моральный дух значительно поднялся, и уровень терпимости между кентаврами и Хогвартсом, казалось, значительно улучшился.

Магориан, который раньше редко показывался, часто приходил поприветствовать Северуса и Минерву, когда они входили в лес. Казалось, он одобряет защитную территориальную ассимиляцию леса Нунду.

"Она защищает лес, а значит, защищает нас и наших жеребят", - сказал старший кентавр. "Для нашего народа не может быть лучшего союзника".

Бримстоун, сумевшая по запаху пометить всех кентавров в стаде, с радостью подчинилась. Она даже получала лакомства и делилась уловом из их стада, а для голодного нунду это было полным блаженством!

Ее память на запахи "своих" кентавров подтвердилась, когда соседнее стадо попыталось приманить нескольких жеребят, пока они собирались. Когда незнакомый кентавр пришел, чтобы отвести жеребят к "новому" лагерю, что было обычной практикой среди кочевых обитателей леса, Бримстоун высунула голову из кучи дремлющих жеребят и издала низкий,

грохочущий рык. Жеребята тут же бросились за ней, а Бримстоун на прощание подарила отступившему заговорщику шестипалые когти размером с нунду, которые прочертили по его обширному заду, навсегда заклеив его как похитителя жеребят. Никто, возможно, даже его собственное стадо, никогда не примет его снова.

Обычно из других табунов усыновляли потерянных жеребят. Это было принято. Однако воровство было преступлением, которое заслуживало высшей меры позора. Куда бы ни отправился этот кентавр, он будет носить значок когтей Нунду, и каждый кентавр знал, что Нунду защищают только свои территории.

Северус с иронией подумал, что кентавр знает о Нунду больше, чем большинство людей. Жеребята ничуть не боялись нунду, и Бримстоун, казалось, инстинктивно защищала их. Она также следила за стадом тестралов и, похоже, вела подсчеты гиппогрифов. Во многом она была похожа на профессоров, которые занимались со студентами, только она всегда была под присмотром. Даже когда она принимала дозу, ее уши вздрагивали при любом постороннем звуке, кроме тех случаев, когда она крепко спала. Только тогда Северус и Минерва могли следить за ее безопасностью.

<http://tl.rulate.ru/book/108746/4030625>